

УДК 82

**ИДЕЯ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА И ЛИЧНОСТЬ
В «ЛЕГЕНДЕ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

© 2012 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 05.09.2011

Рассматривается комплекс взаимосвязанных философско-этических мотивов, выраженных в «Легенде о великом инквизиторе». В единстве они составляют сложное целое – идею великого инквизитора. Эта идея оказывает влияние и на личность её носителя, и на обычных людей, счастье которых она призвана обеспечить, и на судьбы тех, кто пытается ей противостоять.

Ключевые слова: идея, личность, «Легенда о великом инквизиторе», философско-этические проблемы.

«Легенда о великом инквизиторе» является философским «центром» романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в ней автор с невероятной остротой и художественной глубиной раскрывает «вопросы коренные, вопросы духа» [1, с. 163], и не случайно она всегда была в центре внимания представителей русской философской мысли: В.В. Розанова, К. Леонтьева, В. Соловьёва, С.Н. Булгакова, Н. Бердяева, С.Л. Франка. Философско-этическое содержание «поэмы» Ивана Карамазова имеет системный характер и представляет собой сложное переплетение и взаимодействие нескольких смыслообразующих мотивов. Это мотивы этического утилитаризма, деления людей на сильных и слабых, атеизма, опоры на рациональное начало и др.¹ Сложный комплекс философских вопросов, составляющий идею великого инквизитора как мировоззренческое целое, обладает свойством оказывать влияние на личность человека. И свойство это проявляется в различных направлениях, в разных аспектах.

1. Первым из таких аспектов является **влияние идеи на личность её носителя**. Проблема «натуры и идеи», как уже не раз отмечалось различными исследователями, становится одной из основных в творчестве Ф.М. Достоевского. В романах этого писателя объектом изображения и художественного исследования является не просто человек, а именно человек в его сложных взаимоотношениях с идеей. Писатель показывает, как идея, захватившая рассудок, способна поработить личность, повлиять на её коренные свойства. Это касается и идеи великого инквизитора, противоречивая сущность которой порождает внутренний конфликт в душе её носителя и ведёт к тому, что *человек, изна-*

чально руководствуясь христианскими чувствами, в конечном итоге приходит к нарушению христианских норм.

Герой «поэмы» Ивана Карамазова исходит в своём отношении к людям из чувства жалости – чувства, имеющего христианскую природу. Но при этом его **восприятие** обычного человека сродни скорее ницшеанству, чем христианству: это «час великого презрения» [2, с. 8] к «слабым, порочным» обывателям, не способным на поступок, нуждающимся в жёстком руководстве со стороны наиболее *сильных* представителей рода человеческого (такowymi великий инквизитор видит себя и своих единомышленников). Однако если для ницшеанства не характерна жалость к слабому человеку, то великий инквизитор как раз жалеет ближнего. Но это чувство основывается не на любви к обычному человеку как к равному себе, а на снисхождении к его слабости, на чувстве собственного превосходства над слабым.

Из такого противоречивого комплекса мыслей и чувств проистекает способ действий, избранный героем: раз люди слишком ничтожны, чтобы самим обеспечить себе счастливую жизнь, то необходимо *руководить* ими и *привести* их к счастью и благополучию: «Инквизитор, – пишет Р. Бэлнеп, – верит, что творит добро на земле, борясь с войнами, голодом и отчаянием людей» [3, с. 189]. Это так сказать «насильственное счастье», и оно требует не считаться с моральными издержками, ведь приходится поработить людей с помощью лжи и насилия, манипуляции сознанием.

Этической основой концепции великого инквизитора является **утилитарная мораль**, суть которой можно сформулировать словами Иере-

мии Бентама: *нравственно всё, что служит наибольшему счастью наибольшего количества людей* [4]. Такая позиция неизбежно требует твёрдости воли, решительного *отказа от гуманизма* по отношению к конкретным людям, становящимся помехой на пути осуществления идеи, которая должна привести к всеобщему благоденствию. Как отмечал С.Л. Франк, для утилитарной этики оправданы любые страдания людей, если в конечном итоге они приведут к «увеличению суммы счастья» [5, с. 33]. Таким образом, в основе этой этической системы лежит непримиримое противоречие между гуманной целью и антигуманными средствами, а это не может не влиять на личность человека, который принимает подобную этическую доктрину в качестве руководства к действию.

Раскольников, например, полагает, что нет смысла сожалеть о жалкой старушонке, когда решаются вопросы мирового масштаба. А великий инквизитор считает себя вправе уничтожать сотни еретиков ради процветания государства, в котором, по его мнению, обеспечено счастье миллионов, «многочисленных, как песок морской». Итак, **идея «насильственного счастья»** **изменяет личность самого носителя этой идеи**. Такой человек вынужден прежде всего совершать **насилие над собственной нравственной природой**, подавлять в себе христианские чувства, из которых, собственно говоря, он и исходил изначально. Отсюда и «инквизиторские»² страдания.

Герой «поэмы» Ивана Карамазова говорит о том, что ему причиняет душевные муки **ложь**, хотя это и «ложь во спасение». Речь идёт о **манипуляции сознанием человека**, чтобы он чувствовал себя наиболее благополучно и не замечал истинного положения вещей.

Кардинал, по сути, уже отказался от принципов христианских в пользу противоположных, но он не может не понимать, что для управляемых им людей именно христианство остаётся традиционным убеждением, идеалом, верой. И если Пленнику он прямо говорит о своей антихристианской позиции, то обычным людям, гражданам своего государства, он этого не открывает. Наоборот, великий инквизитор поддерживает в них **иллюзию** того, что они живут в **христианском** обществе. Умело манипулируя сознанием людей, кардинал убеждает их, что в этом государстве всё делается ради торжества христианства. Он говорит Пленнику: «...мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твоё. Мы их обманем <...> ибо тебя мы уже не пустим к себе» [6, с. 231]. «Великий инквизитор, – писал известный русский философ Н. Лосский, – использует <...> лож-

ную религию, основанную на потворстве земным вождениям человека, но так, чтобы совесть человека была усыплена мнимым согласием с заветами Бога» [7, с. 113]. Точно так же получается и со **свободой**. Кардинал говорит Пленнику, что когда тот пожелал от людей свободной веры и не захотел поработить их дух с помощью чуда, то тем самым он возложил на плечи слабого человека непосильный груз. С одной стороны, человек по природе своей не может не стремиться к свободе, не случайно великий инквизитор называет людей бунтовщиками. Но, с другой стороны, кардинал уверен, что это «бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие» [6, с. 233]. Ведь свобода влечёт за собой необходимость выбора и ответственность. Слабая душа, по мнению инквизитора, «не в силах вместить столь страшных даров» [6, с. 234]. И человек совершает «бегство от свободы», если воспользоваться выражением Э. Фромма [8]. Поэтому государство великого инквизитора строится на полном подчинении большинства людей «великим и сильным». Понимая, что обычный человек чувствует притягательность свободы, но не может вынести груза ответственности и выбора, великий инквизитор внушает «слабосильным», что они свободны, как никогда, хотя в действительности они полностью управляемы властью.

Манипуляция сознанием – неотъемлемая часть политики великого инквизитора, и её универсальный инструмент – это ложь. Принимая такой путь, герой вынужден преодолевать сопротивление собственной совести, что лишает его душевного равновесия, и это, в его понимании, неизбежная плата за безмятежное существование обычных людей: «И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны» [6, с. 236]; «в обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать» [6, с. 231].

Если ложь становится для героя «поэмы» причиной моральных страданий, то логично предположить, что душевные муки у него должно вызывать и прямое насилие – ещё один «инструмент» осуществления идеи счастья «слабосильного» человечества. В принципе, даже и ложь, как верно заметил в своё время Иван Ильин, можно считать видом насилия, так как она подталкивает человека к тому пути, который он, возможно, отверг бы, зная истинное положение вещей. Однако если ложь – это так сказать скрытое насилие, то в государстве великого инквизитора практикуется и прямое насилие: кардинал появляется перед Пленником «разгорячённый вчерашним автодафе во сто

сожжённых еретиков» [6, с. 228]. В данном контексте слово «разгорячённый» стоит, на наш взгляд, понимать как «чувствующий сильное нервное напряжение», «находящийся на пределе душевных сил». Вспомним, что изначальный мотив действий великого инквизитора – стремление наиболее благополучно устроить судьбы обычных людей. Но если кто-либо из таких людей мешает осуществлению великой идеи, то необходимо, по логике героя «поэмы», уничтожить его как «врага римской веры». Неудивительно, что такой весьма извилистый путь к всеобщему счастью предопределяет душевные муки «насильственного благодетеля» человечества.

Таким образом, согласно позиции Ф.М. Достоевского, *нравственные страдания неизбежны, когда человек, близкий по своей натуре к христианской системе ценностей, идёт против принципов христианской этики*. Причина этих страданий коренится в том, что в душе человека, захваченного «инквизиторской» идеей, ещё не преодолена до конца христианская сущность, но рационалистическая логика идеи мешает этой имманентной сущности проявиться в полной мере: «Поцелуй (Христа. – О.С.) горит на его сердце, но старик остаётся в прежней идее», как говорил Иван Карамазов в финале своей «поэмы». Хотя христианская любовь, воплощенная в поцелуе Пленника, «способна обновить природу тех, кто с ней соприкасается» [9], но рационалистическая логика инквизитора всё же остается в силе.

2. Второй аспект воздействия идеи великого инквизитора на личность – это **влияние её (а точнее, последствий её осуществления) на обычных, «слабосильных» людей**, на достижение счастья которых она и была направлена изначально. Как объяснил Иван Карамазов своему брату – первому слушателю «поэмы», – великий инквизитор в принципе обладал достаточной силой характера, чтобы идти по христианскому пути достижения нравственной чистоты и самоотрешения, но он в определённый момент решил позаботиться не о собственном духовном совершенствовании, а об обычных людях, которые не способны на подвиг веры, – он «воротился к смиренным для счастья этих смиренных» [6, с. 237]. Однако утверждение, что «среднестатистический» человек в государстве великого инквизитора полностью счастлив, вызывает большой вопрос.

Одним из неизбежных последствий реализации идеи великого инквизитора является определённый социальный проект: «миллионы существ», которые слабы, заурядны, не способны на великое, – и «сотня тысяч управляющих ими», сильных и способных взять на себя «про-

клятие познания добра и зла». Создаётся государство, где жизнь большинства полностью подконтрольна меньшинству, которое даёт всем «хлеб земной» и объединяет всех под своей авторитарной властью во «всеобщий и согласный муравейник». По мысли великого инквизитора, это делается ради счастья того же «муравейника», ведь в нём люди избавлены от груза свободы выбора, обеспечены всем необходимым, их жизнь упорядочена, «устроена», им даже позволен грех, «если сделан будет с <...> разрешения» властителей.

Однако подобное «счастье» как состояние духа влечёт за собой **негативные изменения в психологии как отдельного человека, так и общества в целом**.

Человек, жизнь которого полностью контролируется властью, теряет способность самостоятельно мыслить, оценивать факты и действовать. Множество подобных людей – это уже духовно безликая толпа, которой легко манипулировать. Вспомним, с чего начинается «поэма» Ивана Карамазова. Вроде бы при появлении Христа толпа готова идти за ним и петь ему «осанну», потому что люди привыкли к мысли о том, что они христиане, и Христос для них – это высший идеал, Спаситель и воплощение нравственных ценностей. Но появление кардинала сразу всё меняет. Великий инквизитор приказывает бросить в темницу того, кто олицетворяет собой добро и высшую любовь, – и люди, которые только что славили Христа, не только не пытаются возразить или противостоять такому решению, но даже не помышляют об этом. Толпа в благоговении расступается перед кардиналом и принимает его волю без рассуждений. Если люди так ведут себя в ситуации покушения на самого Спасителя, то и в каких-либо более обыденных обстоятельствах они, очевидно, полностью подчинены власти великого инквизитора, а потому не могут самостоятельно мыслить и принимать решения. Человек превращается, таким образом, в «зомби», в обезличенное существо, и такова судьба абсолютного большинства людей – «винтиков» в государственной «машине» великого инквизитора. Можно ли сказать, что эти люди счастливы? Вполне возможно, что они (по крайней мере большая их часть) субъективно именно так и ощущают себя. Если человек не осознаёт себя обманутым и поработанным, то и не страдает от этого. Он, в принципе, должен быть доволен благополучным существованием и – если именно это понимать под счастьем – счастлив. Тем не менее в благополучном и рационально устроенном социуме то и дело появляются «своевольные» люди – как говорится в тексте «Ле-

генды», «враги римской веры», которых приходится уничтожать. Получается, что приверженность к «своеволию» всё же перевешивает для них все блага «устроенной» жизни, и человек (хотя и не любой, разумеется) в душе стремится к свободе, настоящей, не иллюзорной, и ради неё отказывается от «хрустального дворца» (воспользуемся выражением «подпольного человека») идеально организованного социума. Это доказывает, что «счастья», дарованного великим инквизитором, такому человеку мало. Кардинал, рассуждая о счастье, исходит из рационалистического представления о людях и их потребностях, которые можно рассчитать, «вычислить» и в соответствии с ними организовать жизнь социума. Но он не учитывает иррационального начала в человеческой природе (вспомним снова «подпольного человека», с его мыслью, что для человека иногда «выгода» в том, чтобы себе пожелать «худого, а не выгодного»), которое и ведёт к тому, что «не хлебом единым жив человек».

3. И так, несмотря на то что «миллионы, многочисленные, как песок морской», превращены великим инквизитором в обезличенную толпу, в его государстве всё же появляются «еретики», то есть своего рода инакомыслящие, в той или иной степени противостоящие – сознательно или неосознанно – господствующей идеологии. И на судьбы таких людей идея «насильственного счастья», безусловно, оказывает своё воздействие.

Влияние идеи великого инквизитора на судьбу человека, пытающегося ей противостоять, – это третий аспект рассматриваемой нами проблемы «идея и личность». В «Легенде» он не раскрывается подробно, а возникает лишь как «проходной» момент, поскольку основная часть текста – это монолог великого инквизитора, который стремится нравственно обосновать собственную позицию, а не рассказать о судьбе «еретиков». Однако уже упоминания о казни «врагов римской веры» достаточно, чтобы читатель представил себе ситуацию, сложившуюся во взаимоотношениях государства и личности, чьи взгляды не совпадают с устоявшимся (а в действительности умело сформированным с помощью манипуляции сознанием) мировоззрением большинства. Насилие, как уже отмечалось выше, становится неизбежным элементом жизни социума, построенного по принципу утилитарной этики. *Если личность мешает достижению (или же поддержанию) «счастья» человечества, то она обречена на гибель.*

Правда, этой жёсткой логике противоречит финал «Легенды о великом инквизиторе»: кардинал, отправлявший на казнь сотни людей, не смог погубить одного – Пленника, хотя именно он, согласно рассуждениям инквизитора, наиболее опасен для общества, «счастливого» в своём безмятежном благополучии. Однако это произошло *вопреки* идее великого инквизитора, а не в рамках её логики.

Таким образом, воздействие философии великого инквизитора на личность можно рассматривать в трёх «направлениях»: влияние идеи на личность самого носителя этой идеи, на духовное состояние обычных людей и на судьбу человека, противостоящего ей. Причём во всех трёх аспектах это *влияние негативное*.

Примечания

1. Об этом см. подробнее: Сухих О.С. «Горький и Достоевский: продолжение “Легенды...”». Н. Новгород: КиТиздат, 1999. 143 с.

2. Слово «инквизиторский» мы используем без тех негативных коннотаций, которые обычно порождает упоминание о средневековой инквизиции. В данной статье «инквизиторский» означает «имеющий отношение к великому инквизитору».

Список литературы

1. М. Горький. Материалы и исследования. Т. 2. М.–Л.: Наука, 1936. 354 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Сирин, 1990. Кн. 1. 447 с.
3. Бэлнеп Р.Л. Генезис «Братьев Карамазовых» / пер. с англ. Л. Высоцкого. СПб.: Академический проект, 2003. 264 с.
4. Бентам И. Отрывок о правительстве // Юм Д. Опыт. Бентам И. Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство. Руководство по политической экономии. Вып. 5. М., 1896. С. 152–195.
5. Франк С.Л. Фридрих Ницше и этика любви к дальнему // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 6–65.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1976. 512 с.
7. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 368 с.
8. Фромм Э. Бегство от свободы // Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск: Попурри, 2000. С. 3–340.
9. Строганцева Н.В. «Поэма «Великий инквизитор»: семантическая модель и контур интерпретационного поля»: Дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 8.07.2011)

**THE IDEA AND THE PERSONALITY OF THE GRAND INQUISITOR
IN «THE LEGEND OF THE GRAND INQUISITOR» BY F.M. DOSTOEVSKY**

O.S. Sukhikh

The article analyzes a series of interrelated philosophical and ethical themes raised in «The Legend of the Grand Inquisitor». As a whole, they constitute a multilevel unity and express the Grand Inquisitor's main idea. This idea affects the personality of its bearer, as well as common people whose happiness it is intended to provide. It also affects the destinies of those who try to resist the idea.

Keywords: idea, personality, «The Legend of the Grand Inquisitor», philosophical and ethical issues.